

Елена Демченко

ПОЛЁТ

Рассказы

12+

Елена Демченко

Полет

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Демченко Е. Ю.

Полет / Е. Ю. Демченко — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Тема братьев по разуму не нова, но по-прежнему актуальна. Какие они? Похожи на нас или не очень? Способны ли они на любовь, на душевные порывы? Где обитают? В открытом космосе или в мире, где жить можно лишь на терминаторе - границе раздела света и тьмы, звездного жара и абсолютного холода... И какие мы с их точки зрения?

Елена Демченко

Полет

ПОЛЁТ

Взмах. Сто секунд инерционного движения, и снова взмах. Сто секунд... Взмах. За каждый интервал я пролетаю несколько тысяч километров. Это очень медленно, но мне надо ещё раз всё обдумать и понять окончательно, прав ли я? Впрочем, смысла нет в этом, конечно, но хочу понять для себя, что я сделал не так? И не совершил ли непоправимой ошибки, позволив поставить побуждения, пусть и благородные, но не более чем эмоции, над высокой целью сохранения Вида?

Слегка напрягаю мышцы, и могучие крылья послушно расправляются. Поток солнечного ветра ударяет в них, прибавляя скорости, но я пока не собираюсь переходить на галактический режим и снова складываю их.

Сто секунд. Гравитационные поля планет тормозят полёт, но я не тороплюсь.

Я лечу сквозь вселенную, оставляя позади миры. Одни холодны и пустынно, другие кипят, захлёбываясь горячей материей, но все они без малейших признаков жизни. Да, пожалуй, Земля – уникал в своём роде среди сотен парсеков биологически мёртвого космоса.

Взмах. Плазменный поток Звезды стекает с перьев причудливыми, светящимися струями.

Крошка Лит тихо спит в силовой колыбели. В момент взмаха, когда моя тень соскальзывает с неё, голубые волны ионных пучков скользят по сложенным крыльям моей дочери. Она на миг открывает глаза, улыбается и снова погружается в сон.

Сто секунд. Взмах.

Где сейчас Ольми? Что делает? Ужин готовит? Или стирает в ручье носки этого... Дикость какая! Ольми, красавица Ольми, едва ли не последняя представительница редчайшего Вида, продирается сейчас сквозь тайгу с бородатыми грубиянами, чуть не убившими её, сидит вечерами у костра и пьёт вместе с ними отвратительно пахнущую жидкость с примесью дыма? А всё из-за того, что я в своё время не проявил должной твёрдости. Прав ли я?

* * *

Мы вышли к Земле через шесть биологических лет после старта, но не стали бы делать остановку, если бы не Лит. Она очень устала к тому времени. Нет, она не жаловалась, но в больших глазах её затаилась печаль, погас прежний задорный блеск. И решение было принято.

Я решил облететь планету в поисках подходящего места. Тогда-то сердце первый раз кольнула тревога. Я ощутил радиоволны многочисленных источников. Плохой признак. Планета оказалась заселённой, и социо-биологический фон оставлял желать лучшего. Не было стройности, музыкальности в общем хоре голосов. Каждый говорил в отдельности, никого не слыша вокруг себя. Атмосфера загрязнена химическими продуктами сгорания... Впрочем, мне ничего здесь не понравилось, и только состояние дочери заставило поддаться на уговоры Ольми.

Мы выбрали глухой уголок огромного леса, подальше от населённых пунктов, возле небольшой порожистой реки. Температура, влажность воздуха, уровень радиации звезды, – всё было ниже нормы, но пять-шесть планетарных циклов вполне можно было отдохнуть.

Можно было бы, если бы не вездесущие аборигены. Что о них сказать? Первое впечатление, конечно, оставляло желать лучшего – низкорослые, бледные, нескладные и суетливые. Они явились на следующий же день. Их голоса стали слышны примерно за час до того, как они вышли на нашу поляну.

– Нам следует уйти, – предложила Ольми.

– Вряд ли это поможет, если они заметили нас раньше. Да и вероятность повторной встречи довольно высока – я просчитал. Слишком большая плотность населения. От всех не набегаешься.

– Тогда придётся менять вид.

– Разумеется, если не хотим вызвать интерес.

– Боюсь, я совсем разучилась, ведь это первый обитаемый мир за последние годы!

Она не разучилась и справилась довольно быстро. Мне же понадобилось какое-то время, чтобы прийти в себя и освоиться с новыми ощущениями. Наверное, я глуповато выглядел, потому что Ольми засмеялась. Потом я почувствовал её руку на своём плече.

– Извини. Я забыла, что у вас это происходит по-другому. Ты в порядке?

– Да, – я открыл глаза. Мир изменился в новом восприятии. В радиодиапазоне я больше не видел, и не слышал, поле зрения значительно сузилось. Я ощущал непонятные запахи, усилились тактильные ощущения... Но вопреки ожиданиям паники не было. Физическая моя сущность испытывала странное умиротворение. Мне было спокойно и хорошо в окружении огромных деревьев, незнакомых запахов и цветов. Я поднял голову. Дивной красоты небо высилось над лесом. Спокойный оттенок глубокой голубизны, перемежаемый рыхлыми белыми горами облаков...

– Красиво, правда?

Перевёл взгляд на сестру. Даже в чужом, непривычном облики она не утратила изящества – я ведь и воспринимал её глазами аборигена!

– Да. Необыкновенные ощущения.

Легче всех трансформацию перенесла Лит. Пока я пытался очухаться и справиться с собой, она уже весело скакала по поляне, восторженно разглядывала цветы и насекомых. Таким образом, появившиеся на нашей поляне туземцы застали там мужчину, женщину и крошечную девочку. Единственное, пожалуй, чем мы отличались от представителей коренного населения планеты – это причёсками. Волосы отливали изумрудной зеленью, – тут уж мы ничего не могли сделать. Только у Лит косы, которые заплетала ей Ольми, сияли цветом закатного солнца.

С туземцами на поляну выкатилась маленькая четырёхлапая зверушка, которая весело тьякала до момента, пока не заметила нас. Глаза у неё сделались очень круглые, она издала сдавленный писк и, пятясь так, что едва не наступала на собственный хвост, отползла поближе к хозяевам.

Аборигены, глядя на нас, перекинулись парой-другой слов, коротко рассмеялись и принялись за свои дела. Они поставили палатку, развели костёр. Мы старались всем своим видом показать полное безразличие к соседям и наслаждались отдыхом. (Следует признать, что даже в не совсем привычных условиях переход от электронного обмена к естественной пище очень приятен.)

Был уже поздний вечер, когда один из аборигенов подошёл к нам.

– Ребята, идёте к костру. Чаю выпьем, а то вы тут сидите одни... Ещё ребёнка простудите.

– Благодарим, – улыбнулась ему Ольми. Она говорила, чуть растягивая слова, низким приятным голосом. Как непривычно было слышать чужую речь!..

– Вы заботливы. Мы посетим вас.

Их было пятеро, совсем молодых парней, искателей приключений, как они представились. Правда, один из них, самый старший, не присоединился к общему хору. Он молчал и только улыбался чуть иронично. Спутники же его оказались довольно разговорчивыми, и за короткое время мы много о них узнали – и что учатся они в авиационном институте, живут в Киеве, сейчас на каникулах и так далее. Понимать лавину информации помогало сканирование их зрительных образов, довольно, впрочем, примитивных. При таких(!) возможностях мозга и органов чувств я ожидал от туземцев большего.

В тайгу их привела романтика и любовь к пешим походам. Мне понравилось, что они не проявили особого любопытства, удовлетворившись ответом, что мы на отдыхе.

Чай восторга не вызвал. Он был горек, и, кроме того, содержащиеся в нём ароматические травы в горячей субстанции утратили почти все свои полезные свойства. Он напоминал запахом гурм – любимую пищу наших бывших соседей по планете, из-за которых мы теперь бороздим Вселенную.

Свободнее всех себя чувствовала Лит. Она весело болтала с одним из парней, угощавших её сладостями, и звонко смеялась над его шутками. Мне пришлось напомнить ей, что она не дома, и следует быть внимательнее. Она только рукой махнула в мою сторону: «Ладно!». Даже туземная зверушка перестала её бояться. Почти. Во всяком случае, подползла ближе и, замерев от страха, всё же позволила погладить себя по длинным кудрявым ушам.

Темнеет здесь быстро. Скоро поляна освещалась одним лишь костром. Аборигены стали готовиться ко сну. Ольми собрала кружки, ложки и с сомнением глянула в сторону речки, до которой было около пятидесяти метров ночи.

– Вы не поможете мне? – обратилась она к молчаливому парню. Всё получилось так естественно! Девушка боится темноты и просит проводить её, тем более что у костра остался один Виктор. Да, так его звали – Виктор.

Я до сих пор спрашиваю себя, почему она обратила на него внимание? Что привлекло представительницу редчайшего и благороднейшего вида в туземце случайно найденной, затерянной в Галактике планетки? Красота? Объяснить всё чисто внешней привлекательностью Виктора было бы странным. Да и какая там привлекательность?!... Острый ум? Так он молчал всё время! И опять же молча встал, и пошёл за Ольми. Темноты она, конечно, не боялась. Кого в лесу ей(!) бояться, если всё зверьё при нашем появлении разбежалось в радиусе десяти километров? Она хотела просто поближе познакомиться с Виктором. Разговор мне передала коротко, сочтя нужным опустить подробности.

Вода обжигала руки осенним холодом, но Ольми мыла посуду очень медленно.

– Почему вы всё время молчите?

– Мне есть, о чём молчать.

– Вы не похожи на своих товарищей. Они так общительны!

– А я им совсем не товарищ. Просто одному по тайге идти не уютно, вот и пристал к их компании.

– Так вы не просто путешествуете?

– Просто так по лесу только бездельники шатаются. В верховьях реки, километрах в двухстах отсюда город начинают строить. Я и каменщиком могу, и плотником, – всему научился. Так что, без работы не останусь. А вы, дамочка, побыстрее шевелитесь, а то, как бы ваш муженёк не забеспокоился, что вы надолго исчезли.

– Муженёк? – Ольми на секунду задумалась над значением слова. – А, нет, Ройм мне вроде как брат. Наши родовые ветви параллельны. Мужа у меня нет. Я не нашла ещё соответствующего моему генотипу. У нас с этим очень строго.

– Понятно. Вы иностранцы? Я так и думал. А вот скажите, чего в такую даль забрались? Да ещё ребёнка притащили?

– У нас не было выбора. Лит нуждалась в отдыхе. Почти шесть лет пути – слишком большая нагрузка для неё.

– Это здесь отдых?! Пижонство – вот что это! Такие чистенькие, ухоженные едут отдыхать в медвежью глухомань, полную гнуса!

Он сказал это довольно резко, и непонятно было, чем вызвано его раздражение?

– В вашем голосе нет доброты, значит, вы несчастливы, – тихо произнесла Ольми. Она кончила мытьё, сложила горкой посуду и теперь сидела, обхватив руками колени и глядя на Виктора ясными зелёными глазами. Впрочем, он в темноте их не видел.

– Счастье? – он усмехнулся. – Было у меня счастье, да вышло. Всё это писатели придумали. Гнилое всё, понимаешь? Чуть у тебя трудности – глядишь, а вокруг уже нет никого, ни друзей, ни даже врагов. Пустота. Вакуум. А потом всё по новому кругу начинается... Ты закончила? – Он встал. – Пошли.

Ольми вернулась задумчивая.

– Ему плохо, – сказала она. – У него что-то случилось, но он замкнут в своей печали. Должно быть, они не делают свои чувства с Родом.

– Когда держишь в себе переживания, это слишком большая нагрузка на нервную систему! Если ни все такие, представляю, сколь короток их жизненный путь!

– Другая цивилизация, другие законы.

– Верно. И тебе в первую очередь нельзя забывать об этом. Будь осторожна и помни о нашей цели. Путь предстоит долгий, и за минимальный срок надо успеть отдохнуть.

Стало весьма прохладно. Недалеко от нас умиротворяюще журчала река, слегка шумели деревья, навевая покой и расслабленность. Ольми и Лит устроились под кедром и спокойно спали. Я же сидел рядом и думал. Сначала хотел заняться расчётом дальнейшего курса, но мысли возвращались к Виктору и Ольми. Почему она так прониклась его судьбой? Что говорило в ней? Чисто женское стремление утешить? Пусть сочувствием, но хоть немного облегчить чью-то боль? Или что-то более глубокое, что мы обрели, перейдя в чужую сущность?..

А может, зря я сгущаю краски? Может, ничего страшного? Ну, приняла к сердцу чужую печаль, посочувствовала, – это ведь свойственно Истинно Разумным. Да, Виктор не вызвал у меня симпатии, но это скорее от подсознательных опасений, связанных с моей задачей охранять женщин Семьи.

Как заснул, я и сам не заметил. Всё-таки, сколь сильно влияет ритм планеты на наши биопроцессы!

Два дня прошли без приключений, но Ольми, несмотря на все мои предостережения, большую часть времени проводила с аборигенами. Я не спрашивал, о чём они говорили, но видел реакцию Виктора. Впервые за это время он улыбнулся, по-доброму улыбнулся. Суровый облик его чуть-чуть смягчился.

Вообще же, аборигены оказались не столь примитивны, какими выглядели вначале. Они рассуждали о высоких материях, о категориях этики, о любви. Я даже проникся к ним некоторым уважением... До утра следующего дня, когда они проявили себя с совершенно неожиданной стороны. Я так до конца и не распутал этот клубок противоречий. Впрочем, такой цели не было.

Вот только Ольми, хотя ум её много гибче, придётся трудновато при анализе ситуаций.

* * *

Было около четырёх часов утра, когда я пошёл к реке умыться. Виктор собирал сучья на противоположном берегу. Набрав охапку, он бесстрашно ступил в ледяную воду босыми ногами. Бросив дрова возле палатки, начал разводить костёр. Я подошёл.

– Утреннее приветствие!

– Здорово, – буркнул он, даже не взглянув в мою сторону, затем принёс воды, поставил чайник на камни импровизированного очага. Из кучи сушняка потянуло едким дымом.

– Вы всё время так рано встаёте? Ваши спутники ещё спят.

– Эти бездельники будут валяться часов до десяти, а я привык ценить время.

– Пожалуй, вам следует его ценить. Сколько вы живёте? Лет двести?

Виктор как-то странно на меня посмотрел и не ответил.

– Могу я узнать род твоей деятельности?

Он снова глянул на меня, и взгляд мне не понравился. Чёртовы аборигены со своими сложностями! Но должен же я выяснить, в чём тут дело!

– Если это секрет, не говори, конечно. Но Семья-то у тебя есть? ...

Опять не о том спросил?! Но что может быть естественнее вопроса о семье? Что может быть почётнее ответа «да, есть!»?

– Была, – неохотно ответил он. Спасибо, что ответил!

– А куда делась? – удивился я. – Погибла?

– Ну, зачем так сразу? – он протянул мне пачку сигарет и, не дождавшись ответа, прикурил сам от веточки из костра. – Жива-здорова. Даром, что уже не моя.

– Разве это возможно?

– Почему нет? Когда жена уходит к твоему бывшему другу и компаньону... Да по закону и не жена даже, а просто подруга, так что ничего криминального. Обычная житейская ситуация.

– Обычная?! – не удержался я. – У нас бы за такое из Рода изгнали! Впрочем, если генетическая несовместимость... Наказали бы за безответственный выбор. Тоже хорошего мало, но хоть не изгнали бы.

– Строго у вас, – хмыкнул он.

– Раньше было, – махнул я рукой. – Сейчас каждый сам по себе, хотя от традиций непросто отказаться. И молодёжь надо правильно воспитывать. А они все такие своенравные.

– Молодёжь? А себя, значит, уже в старики записал? Тебе тридцатник-то исполнился?

Он бросил окурок в костёр и раскурил новую сигарету.

– Я вообще-то с тобой о сестре хотел поговорить.

– А что такое? Я её обидел?

– Нет... – я не знал, как подобрать слова, чувствуя, что в дипломатии не силён совершенно. – Вы много времени вместе проводите.

– В вашей секте это не принято?

– Почему в секте?

– Ну, или в общине. Не знаю, откуда вы явились, из каких пещер. Говоришь ты странно, выглядишь странно... Хотя сейчас странно удивляться чему-то. Полная свобода... Так что там с твоей сестрой?

– Я вижу, какими глазами ты смотришь на неё. Она очень привлекательна, согласен...

– Но я по генетическим показателям не подхожу, – с сарказмом закончил он.

– Про это даже упоминать излишне.

Он подошёл ближе, оказавшись на пол головы выше меня. Некоторое время молча смотрел сверху вниз.

– Твоя сестра – умная, добрая девушка. И вполне самостоятельная. Она сама решит, что для неё лучше. А тебе добрый совет: не вмешивайся.

Ну, вот как с ним разговаривать?! Я ходил по поляне, не зная, что делать и как с этим типом общаться.

– Чаю будешь?

– Нет.

– Как хочешь, – и он налил себе полную кружку бурой жидкости. Добавил примирительно. – Садись. Не мельтеши.

Я сел на камень напротив, пригладил обеими руками зачёсанную назад свою непокорную изумрудную шевелюру. Виктор хмыкнул. Потом отпил из кружки.

– У тебя не просто хорошая сестра, Роман. Она удивительная! Искренняя, понимающая. Всем женщинам, которых я знал до неё, что-то было нужно – деньги, положение в обществе. Я в своё время был довольно известной личностью и довольно обеспеченной. Сейчас я – никто. Ни кола, ни двора, ни прошлого, ни будущего – такого, какое было и уже не будет. Ну и вокруг как-то разом все исчезли – друзья, подруги... Грош им цена оказалась. Солидный грош, большой, но всё-таки грош – и не более. У меня философский взгляд на всё, так что, ни обид, ни претензий ни на кого не держу. Получил, что заслужил. Вернее, раз получил, значит, заслужил.

Но и доверие к людям ушло. Знаешь правило трёх «Н»? Никому, никогда, ничего! Вот это стало моим кредо. И вдруг в глухой тайге – а где же ещё? – встречаюсь с чистотой, непосредственностью, пониманием. Она наивно немножко рассуждает – да, но... Свет от неё исходит. Если бы я хотел иметь рядом женщину, то только такую. Чтоб любила таким, каков есть, со всеми недостатками и бедами. Сможет она? – он вопросительно глянул.

– Я пытаюсь объяснить, а ты не хочешь слушать.

– Ну, говори.

– Не представляю, как это вообще могло произойти – ну, ваш контакт – ведь мы не принадлежим к антропоидной расе, и что может быть общего...

– А к какой расе вы принадлежите? С очень голубой кровью? Ну-ну.

– Я думал, ты давно догадался.

– Догадался о чём?

– Что мы – не люди.

– Только психов мне не хватало, – устало вздохнул он и покачал головой. – Ну и кто ж вы? Энлонавты? А где тарелка?

– Не понял.

– Средство ваше транспортное где, спрашиваю? На чём прилетели на землю грешную?

– Ты мне не веришь, – понял я. – Впрочем, меня волнует не вера, а покой моей сестры, поэтому...

Неспешную беседу нашу прервал шум у палатки. Четырёхлапая зверушка заливисто лаяла и прыгала в возбуждении, а один из студентов лихорадочно рылся в вещах.

– Что ищешь, Серёга? – крикнул Виктор.

– Ружьё где?!

– Под спальником, вон там, с краю. А зачем? Медведя увидели?

– Какого медведя?! Ты что?! Там птерозавр!!

– Кто-о-о?!

– Птерозавр! Настоящий! Я шёл, а он сидит... На берегу!

– Не может быть! Где?!

– Там! – парень махнул рукой в сторону, где река делала крутой поворот за высокий скальный выступ. Через секунду трое студентов с брезентом и ружьями уже бежали в указанном направлении.

– Живьём надо брать!

– Ща поймаем!

– Тише вы! На всю тайгу громыхаете.

Сбивчивые фразы затихли между деревьями.

– Что такое «птерозавр», – спросил я у Виктора и уже через миг, уловив в его сознании рисунок огромной доисторической птицы, мчался за аборигенами, кляня свою недогадливость. Лит! Моя маленькая Лит! Она любила ходить к небольшой заводи за излучиной реки смотреть рыбок!..

Низко растущие ветки исхлестали лицо. Я не успевал уворачиваться, продираясь сквозь колючие кусты. Отчаянная возня на берегу, крики, шум непонятной борьбы подгоняли меня.

Аборигены пытались натянуть брезент, навалившись кучей на что-то отчаянно трепыхающееся и всхлипывающее. С разбега я отпихнул одного парня, и он свалился в воду, другой попытался оттолкнуть меня, прорывав что-то нечленораздельное. Подбежавший Виктор обхватил меня за плечи и выволок из общей кучи. Я ударил его ногой.

– Пусти!

– Ты что, спятил?! – мощный рывок отбросил меня в сторону.

И тут вдруг всё кончилось. Застыв в изумлении, планетяне смотрели вверх. Едва не касаясь верхушек сосен, над тайгой медленно летела Ольми. В утреннем солнце поблёскивали мел-

кие, похожие на чешую перья, огромные крылья изредка плавно взмахивали. Я невольно залюбовался её совершенством. Полуулыбка Ольми обнажила три ряда белоснежных игольчатых зубов.

Краем глаза я видел потрясённое лицо Виктора... Он узнал её!

– Не может быть, – прошептал он и кинулся к одному из своих спутников, вскинувшему ружьё. – Не смей! Не стреляй!

Громыкнул выстрел. Взрослого представителя нашей расы убить трудно даже в планетарной форме, но покалечить, принести боль, – это да. Ольми, однако, не пострадала. Пуля сбила лишь часть её великолепного зелёного гребня из длинных тонких перьев на голове. Что было дальше, я не видел. Оттолкнув студента, ещё вчера угощавшего мою дочурку конфетами, а сегодня с азартом обматывающего её ножки капроновым шнуром, я размотал брезент, швырнул в сторону.

Лит лежала на речной гальке, закрыв глаза. Правое крыло было неловко подвёрнуто, в перья забился песок. Можно ли винить её за неосторожность? Она ещё ребёнок и не умеет ежесекундно контролировать себя, особенно при смене Вида. Увлелась, загляделась, – и вот...

Я поправил трёхметровое крыло дочери, положил на своё плечо её голову и осторожно поднял. Я нёс её на руках до нашей поляны и слышал сзади голоса. Виктор что-то объяснял товарищам. Когда они вернулись к палаткам, ни один из них не смотрел мне в глаза.

* * *

– Ты тоже так выглядишь?

– Боюсь, что ещё страшнее, – кивнул я. – Будь осторожен. Могу съесть ненароком.

Неудачно пошутил.

Виктор оглядел меня с ног до головы.

– Поверить трудно... Всё как у людей! ... Ящеры летающие, – он потряхнул головой. – Контакт, чёрт возьми. Встреча разумов...

Я не понял, сожаление было в его голосе или толика радости, если он вообще на неё способен.

– А как вы это делаете?

– Что именно?

– Ну, это... – он развёл руки в стартовом движении крыльев.

– Нужда заставит, всему научишься.

Он о чём-то задумался, глядя на стену высоченных сосен. Потом уселся на плоский камень.

– Разучился я природой любоваться. А ведь завораживает! Ну, скажи, нет?

Я пожал плечами. Чёрный затихший лес вызывал мало эмоций.

– А-а, тебе всё равно не понять, – он глянул на небо. – Дождь будет. Вот и осень. Заморозки бы не ударили. Они здесь ранние. Успеть бы дойти до места.

– Мы завтра улетаем.

– Попутного ветра, – Виктор на секунду замолк и откусил кусочек хвоинки. – Или что там у вас дует.

– Поговорить надо напоследок.

– Говори.

– Ольми хочет остаться.

– Что дальше?

Тут я взорвался.

– Из-за тебя же, будь ты неладен! Допускаю мысль, что ты не сознаёшь всей серьёзности и трагизма данной ситуации, но можешь просто верить мне?! Нас осталось всего несколько сотен, и, если каждый решит посвятить себя миссионерской деятельности на первых попавшихся планетах, раса перестанет существовать! Ты должен...

Он вдруг резко встал. Глаза его зажглись недобрым огнём.

– Потихе, дружище, сбавь тон. И запомни: я никому ничего не должен. Понимаешь? Я расплатился со всеми долгами и теперь живу, как хочу, в своё удовольствие. Ни до кого – слышишь? – ни до кого мне дела нет. Плевать я хотел на вас и ваши проблемы...

– Вот и скажи это ей, – я вдруг почувствовал, что устал. Дикая планета, дикие жители, ставящие свои эмоции выше судеб целой расы! Поди, растолкуй, что Вселенной нет дела до всяких там взрывов страстей!

– Ольми – представительница редчайшего Вида. Если она не найдёт достойного партнёра, её Род исчезнет. А она внушила себе, что должна помочь тебе, душу отогреть. «Может ли человек жить с ненавистью в сердце?» Это её слова. Нелепость какая! В то время как высочайшая цель...

– Слушай, ты, демагог пернатый, – снова прервал меня Виктор, – может, у вас и принято оценивать друг друга по ширине пасти и количеству зубов, о людях хотя бы не суди.

– Зачем же ты мне грубишь? Ты прав, я мало знаю вас, но ведь уже по тебе одному, как представителю общества, могу судить о земной цивилизации и при том далеко не с лучшей стороны.

– Что меня меньше всего волнует теперь, так это общественное мнение и твоё тоже, – в голосе моего собеседника уже не было злости, скорее равнодушие. – Я только хотел сказать, что есть вещи, о которых не говори, коль не разумеешь. Достоинство, гордость, любовь, – наверное, у вас и слов таких нет. Я много растерял, много позабыл, но корни, понимаешь, их не уничтожить. Сестра твоя напомнила, что после любой ночи рассвет наступает, а с ним – новая жизнь, в которой будет всё, о чём мечтаешь. Надо только верить. В людей верить. Грустно и нелепо, конечно, что сама она – и не человек, зато душа у неё куда более человеческая, чем у иных стопроцентных «гомос». Её не держу. Надо – пусть летит, но пусть знает, что где-то там, в чёртовой бездне, есть тот, кто благодарен ей за несколько дней любви и понимания. Я буду помнить её.

* * *

Последние минуты перед отлётом. Я собираюсь с силами. Как приятно ощутить собственное, неизменённое тело! Мышцы наполняет упругая сила, ветер покидаемого мира слегка обдувает полураскрытые крылья.

Передо мной стоит Ольми, такая маленькая! Над её лбом – неровно обрзанная опалённая прядь волос – след выстрела. Рядом с девушкой Виктор. Он о чём-то спрашивает её, она отвечает, и никто – ни он, ни стоящие поодаль студенты не слышат наш диалог, ведущийся на третьем уровне сознания.

– Считаю своим долгом спросить, окончательно ли решение?

– Да.

– Ну, скажи, скажи, в чём моя ошибка? Что я не досмотрел? Быть может, обидел тебя? Ведь ты всегда со мной соглашалась, я был для тебя авторитетом. Теперь же поступки твои необъяснимы!

– Ты всё делал правильно, Ройм. – Ольми снизу-вверх глянула на меня и исчезающе маленькой в сравнении с моим огромным ростом ладошкой провела по крылу. – И если случилось что-то не так, то лишь по моей вине. Ты никогда не отступал от принятого решения и всегда будешь для меня образцом последовательности. Но я должна остаться, мой брат и друг! Должна, ибо во мне нуждаются. Мне будет очень не хватать тебя и Лит, но я не смогу жить спокойно, зная, что чьему-то сердцу пусто и одиноко, и в моих силах заполнить эту пустоту. У каждого из нас своя дорога, своя судьба, свой полёт.

– В этом мире слишком много проблем. Тебе будет невероятно трудно.

– Если хоть одной проблемой станет меньше, значит, я осталась не зря.

– У тебя никогда не будет детей.

– Это известно.

– В одиночку пересекать Галактику женщине нереально и самоубийственно, так что, если ты передумаешь...

– Прощай. И прости меня.

«У каждого из нас свой полёт» ... Может она и права? Вижу, как Ольми берёт Виктора за руку, и тот отвечает чуть заметным пожатием.

Я делаю взмах...

ПОЛЁТ 2. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Решение вернуться было скорее спонтанным, чем обдуманым. Вообще-то я не склонен к поступкам, продиктованным сиюминутным желанием, потому как стараюсь всё делать на оптимальном уровне, выбирать единственно правильный вариант для той или иной ситуации.

Но, наверное, за последние полгода относительного спокойствия и размеренности жизни мне стало чего-то не хватать. Остроты ощущений? Или сейчас просто отпала необходимость в моём лидерстве, а значит, высочайшей ответственности за Вид?

Лит прекрасно чувствует себя среди соплеменников. Её благосклонности ожидают, по меньшей мере, три кандидата, но она ещё молода, и до принятия решения о выборе партнёра пройдёт минимум десять планетарных циклов. А пока Тэйлос стал ей настоящим домом, чему я весьма рад, хотя и чуточку огорчён тем, что дочь не нуждается больше в моей заботе и охране.

Пару дней назад я с улыбкой смотрел, как она в компании друзей и сверстников резвится в волнах минерального озера, слышал беззаботный детский смех, радостные визги и вдруг понял, что сам здесь уже не нужен, что от меня больше ничего не зависит, а значит, свободен в выборе дальнейших действий. И тогда вспомнил о сестре. По большому счёту и не забывал никогда, просто насущные проблемы отодвигали на второй план мысли о ней. Теперь же, глядя на соплеменников, строящих на скалах семейные гнёзда, я думал, что Ольми заслуживает лучшей доли, чем на чужой планете, в чужом облике опекать грубого планетянина-антропоида. Быть может, помощь и сочувствие ему уже не требуются? Тогда я просто обязан вернуть её в стаю. Редчайший подвид, к которому она принадлежит, не должен исчезнуть! Вот так и родилась мысль совершить новое путешествие.

Времени на сборы не нужно. Взмах – и я покинул орбиту Тэйлоса. Ещё мгновение – и система Зелёной Звезды затерялась среди туманностей Метагалактики. В одиночку я летаю быстро. Даже когда не пользуюсь квантовыми проходами. Не люблю их, они так изматывают! Но до Земли в биологическом времени добираться очень долго, поэтому, собравшись с духом и силами, формирую вокруг себя зону пробоя и ныряю в радужный туннель.

Радуга – иллюзия светового зрения. Не может ЗДЕСЬ быть никакой радуги! Даже света, даже тени, ибо туннель – область вне времени и пространства. Говорят, возле коллапсаров можно сформировать туннель в соседнюю галактику и даже другую вселенную, но я не пробовал. Зачем? Если нет необходимости. А излишним любопытством я не страдаю. До Земли добраться без приключений. Кто знает, насколько развились тамошние технологии? Судя по тому, что я узнал о планетянах во время последнего визита, они довольно агрессивны, и потому осторожность не помешает. Так что туннель я покинул на изрядном расстоянии до цели.

И снова, как и в прошлый раз, предаюсь тревожным раздумьям. Станный мир, очень странный. Техногенный. В иное время и сам держался бы от него в стороне, и другим не советовал приближаться. Без особой необходимости. А сейчас необходимость? Может, не такая острая – в конце-концов я уважаю мнение сестры, её решение остаться, пусть оно на первый взгляд совершенно безумное – но узнать, как она, не передумала ли, не хочет ли вернуться, должен.

На пути к планете меня не встретил вооружённый патруль – уже хорошо. Не прибавилось и аппаратов, бороздящих систему Звезды Солнце. Или цивилизация развивается медленнее, чем я предполагал?

Однако ноосфера Земли изменилась. Усложнилась. Увеличилось количество информационных масс, орбитальных механизмов. Надо просто быть осторожнее, чтоб не попасть в поле зрения какого-нибудь спутника. Визит без приглашения, и лучше его не афишировать. Кто знает, как на это отреагируют хозяева? А конфликты никому не нужны. Радужный приём тоже. Мне нет дела до планетян, их жизни и проблем. Хочу просто повидать сестру. Разве что чуть-чуть информации о речи, стиле общения, лингвистических особенностях. Чуть-чуть, не углубляясь особо в многообразии диалектов.

Я перешёл на орбитальный полёт и начал сканирование. Отыскать Ольми не составило труда. Она единственный представитель моего рода на планете, и я почувствовал её почти сразу. Даже после смены вида, преобразившись в туземку – прекрасную, надо сказать, туземку! – она осталась моей соплеменницей, а мы ведь чувствуем вибрации друг друга на значительном расстоянии.

Дело затруднилось лишь тем, что Ольми находилась почти в центре крупного поселения. Вот чего не могу понять – зачем жить так скученно?! И это при наличии огромного количества свободного места! Впрочем, местные нравы волнуют меньше всего, чтоб искать ответы по социальному устройству и традициям аборигенов. Насекомые тоже живут колониями. И плесневые грибы... Фу! О чём это я?! Гордыня обуяла за собственное совершенство. Нехорошо. Надо скромнее, скромнее.

Выбрал местечко немного подальше от города, там, где почти не чувствовалось присутствие поселян. Из совсем уж безлюдного места где-нибудь в горах добираться долго и неудобно. Не настолько мне нравится Земля, чтоб путешествовать тут больше положенного.

Ладно, глядишь – обойдётся. И я перешёл на атмосферный полёт.

Совсем бесшумно сесть не удалось. Лес оказался гуще, чем я предполагал; некоторое количество деревьев сломалось. Да и трение о густой жгучий воздух вызвало свечение и, хотя специально выбрал сумеречное время, ожидая, что аборигены отдыхают, скорее всего, заметно было. Очень. Если кто наблюдал. Ну и пусть. Всё равно уже ничего не поделать.

Я совершил посадку, огляделся. Вроде, тихо, но медлить не стоит. Надо менять облик. Трансформация вида – процесс пренеприятнейший. Ощущение, что тебя потрошат заживо, да так и бросают. В муравейник. Да плюс ещё тепловое излучение такого уровня, что вполне можно организовать нехилый пожар вокруг. В атмосфере столько кислорода, что горит даже то, что гореть не должно в принципе.

В этот раз пожара удалось избежать – я очень старался! Не люблю причинять ущерб экосфере. Но трава в радиусе ста метров всё же обуглилась, листья на деревьях и хвоя пожухли, покрылись пеплом. Ну, хоть не вспыхнули.

* * *

– Говорю тебе, это Терминатор!

– Никакой не Терминатор! Терминаторы гладкие, а у этого – глянть! – шрам на ноге огромный.

– Ну и что? И в киношного стреляли... Починился, а шрам остался.

– Это не от пуль. Это следы зубов. Целые зубищи! У нас зверей таких нет.

– Почём ты знаешь, какие звери?!

– Да уж знаю. Точно, это пришелец!

– А чё голый тогда? Эт Терминатор голый являлся. Из будущего.

– Ага, – саркастический смешок оборвал шёпот первого собеседника. – Ща у тебя куртку отнимет.

– Почему у меня? У тебя размер больше.

– Зато твоей как раз хватит, чтоб прикрыть кое-что.

Вместо ответа последовало чьё-то обиженное сопение. Впрочем, далеко не «чьё-то». Двоих мелких представителей местной фауны я чувствовал уже давно. Детёныши аборигенов осторожно крались за мной почти от самой поляны. Притворяться надоело. Я остановился и медленно повернулся в их сторону, ожидая дальнейших действий.

Не подали вида, что испугались – похвально! Более того – выступили из кустов, держа перед собой некие деревянные конструкции, поблёскивающие привязанными верёвочками трубками.

– Стой, коварный пришелец! – сказал тот, что покрупнее. Второй, уступающий в росте и более шуплый, поддакнул:

– Ты без разрешения вторгся на территорию суверенной планеты. Мы – Люди в Чёрном! Стой! Ты арестован!

– Стою, – ответил я. Улыбнулся. Забавные детёныши. Наверное, не ожидали такого ответа, замялись.

– Ты пойдёшь с нами. В главный офис, – неуверенно скомандовал первый.

– И назови своё имя, – пискнул второй. Бойся! Но держится, старается вида не показывать.

– Ройм. – Я не собирался их обижать. Детская особь священна! Да и помощь мне не помешала бы. В населённом мире трудно ориентироваться без содействия аборигенов.

– Я – Дин, а это Мика, – парнишка кивнул в сторону приятеля.

– Хорошо. Дин и Мика.

– Вообще-то, – замялся старший, – Денис и Макс. Но Дин лучше. «Сверхъестественное» смотришь? Там парни крутые. Дин Винчестер...

– Понятно, – кивнул я, хотя ничегошеньки не понял.

– Дядь, а ты как попал сюда? – Мика опустил своё оружие, но в голосе звучала подозрительность. – Метеорит ищешь? Так мы первые! Как свет увидели, сразу примчались. А ты что-то нашёл??

Метеорит!.. Это ж они, возможно, моё приземление заметили. Свет, взрыв, – о чём ещё могли подумать жители мира, слишком отдалённого от прочих цивилизаций, кроме как о метеорите?

– Нет.

– Хорошо, – расслабился парнишка. – Это наш лес. И метеорит наш. А ты лучше уходи... Или знаешь, что? Подожди-ка.

Детёныши отошли в сторону, тихонько посовещались.

– Мы тебя выведем. Без нас не справишься. Тут ловушек полно – назвавшийся Дином подросток снисходительно оглядел меня с ног до головы, ухмыльнулся, стащил с младшего курточку. – Держи.

– Благодарю.

Около получаса мы шли через лес, густо покрывший холмы. Солнечное утро, свежий воздух, пропитанный запахами трав, хвои и каких-то цветов, – так хотелось расслабиться, поддаться искушению новых чувств, просто кинуться в травы и лежать, глядя в синее-пресинее небо, покусывая сладкий стебелёк и ни о чём не думать. Антропоидная форма значительно богаче на ощущения, тактильные и духовные и, хотя лишена целого ряда моих обычных способностей, с лихвой восполняет их новыми органами. Наверное, иначе нельзя, и за тысячелетия эволюции природа усовершенствовала то, что необходимо и достаточно для жизни именно в здешних условиях. Ведь и мы когда-то не умели летать через космос.

Детёныши шли впереди и чуть сбоку, не теряя меня из вида, тихонько переговаривались. Думают, я их не услышу, что ли? Впрочем, слышать – одно, а понять...!

– На Бреда Пита похож, – шептал младший.

– Не, ты чё?! Глаза вон какие! Совсем другие.

– А на кого тогда?

– Знаешь, на кого? – Старший оглянулся на меня и снова оценивающе глянул. – На Джейка Гилленхаала. Точно!

– Ага, – согласился Мика. – Если Джейку зелёный парик одеть.

– Это ничего, что зелёный. Попросим, чтоб бейсболку надел и сфотографируем. Пацанам в школе скажем, Джейк приезжал.

– Думаешь, поверят?

– А то! Пусть попробуют не поверить!

– Дяденька Джейк, – Младший подкатился ко мне с хитренькой улыбкой. – А шрам на ноге у тебя откуда? Дениска... то есть Дин говорит, зверь покусал. Это правда?

– Да.

– Ух, ты! А что за зверь?

– Водный хищник... Я сам виноват – никогда не лезь купаться в незнакомый водоём!

– Вау! – у Микки загорелись глаза. – Большой хищник был?

– Очень.

– Ты его убил?

– Нет. Только чуть-чуть покалечил. Я не убиваю животных.

– А-а!

И снова до меня донёсся шёпот. «Я же говорил!.. Нет, это я говорил! А ты совсем другое говорил!..»

Славные детишки.

* * *

«Перезвони мне, Серёга. Тут дело на миллион, честно тебе говорю!»

«Чё не перезвонил? Я ждал! А пока ждал, кое-что обмозговал, кое-что прикинул. Верняк – заработать можно!»

«Ну и где тебя черти носят?? Тут и так приём еле-еле, два часа в сутки, а с твоего номера только и слышно «ждите ответа, ждите ответа!»

«Серый! Вот честно – вернись, твой автоответ с балкона брошу!»

* * *

Поселение, куда мы пришли, состояло из нескольких жилищ, разбросанных на изрядном – по меркам туземцев, конечно – расстоянии. Большой частью дома целиком состояли из камня, но тот, к которому подошли мы, оказался из толстых брёвен, в два этажа, массивный, основательный. Построивший его хозяин, должно быть, очень уверен в себе и демонстрирует таким образом собственную силу и мощь.

Но на деле всё обстояло по-другому. Из палисадничка, окружившего дом пышно цветущими растениями, нам навстречу выбежала худенькая женщина.

– Денис, Максимка! Где же вы ходите! Я всю округу обегала! Ну, нельзя ж так, без предупреждения...

Тут она увидела меня, охнула. Глаза сделались большими-большими. Я поклонился со всем уважением, которое заслуживает женская особь. Надеюсь, местные обычаи, о которых успел немного почерпнуть из информационного поля, не слишком разнятся с нашими, и поведение не сочтут оскорбительным.

– Тётъ Лиль, – выступил вперёд старший детёныш. – У нас где-то брюки дяди Васины были и футболка. Найди, а? Человеку помочь надо. Вещи сгорели нечаянно. В лесу. Костёр неудачно развёл.

– Д-да, конечно, – залепетала женщина. – Сейчас!

Побежала к дому, остановилась. Оглянулась.

– Вы проходите пока. В комнату.

Излишняя суетливость её меня позабавила. Дети меж тем о чём-то шептались, потом старший выскользнул за калитку и помчался назад к лесу.

– Пошли, Джейк, – Мика резво поскакал к крыльцу, махнул рукой, – Заходи.

В жилище я почувствовал себя очень неуютно и непривычно. Здесь было чисто, опрятно, расставлено и оборудовано всё с любовью и аккуратностью – это ощущалось. Просторная комната, минимум предметов, везде какие-то тряпочки с затейливым орнаментом, однотонные, на полу, в дверных проёмах, оконных, на полках... В граненой вазе букет полевых цветов. Но массивные стены вокруг, замкнутое пространство... Словно западня. И воздуха не хватает, несмотря на открытые окна и распахнутую настежь дверь. Снова на ум пришло сравнение с муравейником. Постарался отогнать. Раз уж маскируешься под аборигена, изволь вести себя, как абориген, и нечего нос воротить – это не нравится, то не так, сё не этак. Интересно, откуда у меня такие выражения? Старался же не углубляться в лингвистические особенности диалектов...

Хозяйка явилась с ворохом одежды.

– Вот, всё, что нашлось. Может, подберёте. Других размеров, извините, нет.

– Благодарю. Вы меня очень выручили.

– Как же получилось, что вы...? – она смущалась страшно и старалась не смотреть на меня. – Впрочем, простите за любопытство. Я не должна допрашивать. Вам и так неловко... Одевайтесь пока, а я чаю согрею, чтоб вы не простудились. С ромашкой, – чуть слышно добавила и выпорхнула во двор.

Неловко! Да я забыл совершенно, что местное население избегает натурального вида, предпочитая кутаться во что попало! А закачанная информация требует времени для освоения. Даже у меня. Поэтому и случаются казусы.

Брюки из плотной синей ткани – джинсы, если не ошибаюсь – оказались впору, а свитер тесноват – облепил, как вторая кожа. Из обуви подошли галоши. Ничего более изящного на мою лапу не нашлось. Ну, вот, теперь почти ничем не отличаюсь от туземного жителя.

Из дома я вышел с явным облегчением.

– Ма-а-акс! – донеслось из палисадника. – Иди чай пить!

– Я не хочу! – отозвался младший детёныш со второго этажа.

– Садитесь, – улыбнулась хозяйка. – Мика не хочет, значит, будем вдвоём.

Плетёный стульчик жалобно пискнул под моим весом.

Туземка подвинула чашку, расписанную аляписто красными цветами.

– Вам покрепче?

– Просто воды. Чистой.

Она пожала плечами и наполнила чашку кипятком.

– Угощайтесь. Пирожки. С капустой, – опять почему-то смутилась. – Или вам чего-нибудь мясного?

– Благодарю. Не стоит. Я не хищник.

Она расценила как шутку, тихонько рассмеялась.

– Я не буду слишком навязчива, если попрошу вас рассказать?

– Не будете. Спрашивайте.

– Для начала, как вас зовут?

– Ройм. Можно Роман, – вспомнил, как называли меня в прошлый раз аборигены в тайге.

Глянула пристально, и я наконец-то разглядел её глаза – огромные, серые с лёгким оттенком голубизны. Длинные ресницы... Выразительно. Кожа гладкая, молодая, чуть смуглая от загара. Волосы светлые, блестящие, ухоженные. Наверное, как антропид она вполне привлекательна. Не мне судить. Хотя... Возможно, смена вида меняет одновременно что-то и в психике, потому что аборигенка мне понравилась.

– А по отчеству?

Отчество, отчество... Имя отца. И как адаптировать к местному наречию «Кастизель»?
– Константинович.

– Очень приятно, – она протянула руку. Ага! Пожать надо. – Лилия Андреевна. Можно просто Лилия. Так откуда вы в наших краях, Роман Константинович?

– Издалека. Очень издалека.

Стоит ли углубляться в подробности? Не стоит, думаю. Пока во всяком случае.

– Понятно. Занимаетесь туризмом? Что ж, места у нас дивно красивые. Только прохладно. Даже летом. – Опять опустила глаза, потом спохватилась. – Да вы кушайте, кушайте.

– Я хотел бы повидать сестру, но мне нужна помощь. Могу попросить вас показать дорогу в город? Желательно, наименее оживлённую.

– В город? – она вскинула тонкие брови. – У нас только одна дорога, но она сейчас на ремонте. На днях прошёл сель, всё размыло. Проехать невозможно.

– А пройти?

– Двести километров?! Переждите пару дней, я вас отвезу в город. На машине. Мне самой туда надо, так что никаких проблем. Надеюсь, ничего сверхсрочного?

– Ничего. – Я покачал головой. – Визит вежливости.

– Тогда тем более, – улыбнулась Лилия.

– Тётъ Лиль! – из окна второго этажа высунулась голова Мики. – А можно мне пирожков?

– Спустись и возьми, – строго ответила туземка.

– У-у-у! А принести?

– Оторвься уж от своего ящика и спустись сам.

Голова исчезла, а через несколько секунд примчался Мика весь, схватил со стола несколько пирожков и опять убежал.

– Ваши дети?

– Племянники, – вздохнула она. – Сыновья брата. Он с женой в экспедиции на Андаманских островах. Каких-то крабов изучают. Тех, что лазают по деревьям. Крабы на деревьях! Представляете?

– Не очень.

– Ну, вот. А деток ко мне на лето.

– Родители не могли их взять с собой?

– Нет. Чужая страна... Денису тринадцать лет, а Мике всего десять. Они ещё малы для подобных путешествий.

Она улыбнулась.

– С ними и дома непросто. Если бы электричество у нас не три часа в день было, а как положено, мальчишки бы сутками от компьютера не отрывались. Ничем другим не интересуются. Фильмы и компьютерные игрушки – вот весь мир, где они живут. Увлекательный и в то же время немного пугающий из-за своей непонятности и своеобразия. Пыталась приобщить к книгам, к классике, – безнадежно! Ценности меняются, приоритеты меняются, – пожала плечами. – Но есть области, в которых они ориентируются куда лучше иного взрослого, лучше меня, а мне, как говорится, по долгу службы положено знать всё – я ведь учительница.

– А ваши дети. Они такие же?

– У меня нет детей, – смутилась. Даже погрузнела. Заметно погрузнела. Я что-то бестактное сказал?

– Прости, если обидел.

– Нет, что вы! Ничего. Я не замужем. Подруги повыскакивали ещё в институте, а я вот...

Посмеиваются, говорят, принца жду, а тот и не родился ещё.

– А чего на самом деле ты ждёшь?

– Чувства! Настоящего, всеобъемлющего. Встречаться просто так, чтобы приятно провести время – это не моё. Может, я старомодна, но считаю, что главное – любовь. Понимаете? Полёт души.

Она улыбнулась, вздохнула слегка.

– Знаете, у меня ощущение – только не смейтесь, ладно?

– Не буду. Если это не смешно.

– У меня чувство такое, что где-то в параллельной реальности, где-то совсем рядом, всего в нескольких минутах, другая я, мой полный аналог, вполне счастлива. У неё-меня другая жизнь, и есть сын, такой чудесный мальчик!..

– И над чем здесь смеяться?

– Ну, – она пожала плечами. – Параллельные миры, инопланетяне... Учитель должен строже относиться к собственному мировоззрению. Нельзя забывать ученикам головы трансцендентными ощущениями и прочим, чему нет научного объяснения.

– Здесь совсем мало людей, – я держал чашку в ладонях, стараясь не разбить – уж больно хрупкой она выглядела. – Вам не скучно?

– Нет... На центральной усадьбе – это в десяти километрах отсюда – много народа. И школа большая, где я и работаю. А здесь я читаю, занимаюсь садом, отдыхаю, насколько это возможно с детками.

Скрипнула калитка – вернулся Денис-Дин, молчаливый серьёзный. Кинул на меня подозрительный взгляд, зашагал к крыльцу.

– Дениска, мой руки! – крикнула вслед Лилия, но детёныш уже скрылся в бревенчатых недрах дома. Только рюкзачок оставил на ступеньках.

* * *

«Привет, Серый! Я не сдуру ума пытался дозвониться тебе, вместо того, чтоб сразу е-мэйл послать. В этой горной дыре электричество ток по праздникам, а мобильник всё-таки берёт хоть иногда. Когда спутник мимо летит.

Где тебя черти носят столько времени?? Я знаю, знаю, что ты собирался к родителям, но уже пора и вернуться. Нечего их баловать! Тем более что дело, правда, выгореть может, а тогда и предков на Канары отправишь на недельку – пусть порадуются! Но сперва работа.

Короче, слушай! Было в газетах, нет, не знаю, но тут на днях событие кое-какое произошло. Ночью. Точнее, на рассвете почти. Сперва думал, метеорит. Ну, всё как полагается – свет в небе, большой бум!.. Знаешь, сколько сейчас метеориты стоят?? Целое состояние можно выручить, если на аукцион выставить!

Пошёл я искать «небесного путешественника», благо, показалось, что, ну, совсем рядом шмякнулся. Барда взял с собой. С собакой всё ж спокойнее. Так вот его поведение насторожило уже дома. Никак он не хотел идти! Скулит, пищит, башкой мотает, от рук моих уворачивается. А до сих пор прогулка для него была высшим развлечением и радостью! В любое время суток мог сорваться, только свистни! Даже кость бросал ради такого дела. Вот как объяснить? Ну, подумал, заболел пёс. Так нет, нос холодный, глаза нормальные, не лихорадит его! Потасил-таки с собой. Не должна собака капризничать, если хозяин приказывает!

Но это полбеда. Самое интересное впереди! Ты, Серёг, давай откликнись, а я откланиваюсь, потому что столько слов сразу за всю жизнь не писал.

Леший»

* * *

Я смотрел на звёзды, мерцающие в тёплых течениях атмосферы, и думал... А ни о чём не думал. Просто смотрел.

Мы с Лилией проговорили до темноты. О жизни, о вселенной, о разуме и о прочем, прочем. Потом она спохватилась, что уже поздно, нет смысла куда-то идти, и настояла, чтобы я погостил в её доме, раз уж вынужден задержаться. Согласился, почему бы нет? Лучше, чем

бродить по окрестностям, привлекая внимание и вызывая лишние расспросы. Но ночевать в помещении отказался, тем более что в палисаднике сооружён целый помост, где я прекрасно могу расположиться на ночлег. Не внимая протестам, туземка вынесла в сад подушку и одеяло. Пожелала спокойной ночи, как всегда смутившись и пряча взгляд.

И я остался. Смотреть на звёзды.

Потом из дома выскользнула маленькая тень и потихоньку, перебежками двинулась в мою сторону. Замерла за кустами в метре позади, за спиной.

– Ты чего-то боишься? – спросил, не поворачиваясь. Он что, думал, я его не замечу? – Меня боишься? Зачем прячешься?

– Я ничего не боюсь, – буркнул Дин. Вышел из-за кустов, присел на край помоста. – Разговор есть.

– Говори.

– Скажи, Джейк, – он замялся. – Ты ведь не турист?

– Ну... В определённом смысле, наверное, всё-таки да.

– Я на то место ходил. Ну, где мы тебя встретили. Хотел метеорит поискать всё ж.

– Нашёл?

– Ага. Следы. Твои. И только оттуда.

– И что?

– Получается, ты там и возник. Из ниоткуда. Прямо в центре. Две версии имею. Первая – что с вертолётки сбросили. На парашюте. Но вертолёт мы бы с братом не пропустили. И звук на вертолётный совсем не похож был. И парашюта нет.

– А вторая версия?

– Ты... – опять замолчал. Не знает, как спросить?

– Что?

– Ты пришёл с миром?

– Не понял.

– Ты ведь не собираешься поработать Землю?

Великий Космос! Я расхохотался так, что в доме, наверное, слышно было. В соседнем.

– Твоя тётя сказала, что много глупых фильмов смотришь. Так вот. Не смотри!

– Но...

– Я не собираюсь поработать ни Землю, ни ваш посёлок, ни твою семью вместе с тобой.

– Хорошо, – он облегчённо вздохнул и улыбнулся. – Я, конечно, не боюсь. Я вообще ничего не боюсь. Это Мика у нас трус. Хочет гонщиком стать, а сам трус. Это он сказал, что вдруг ты – вампир! А... Ты не вампир?

– Нет. Слушай, детёныш, тебе отдыхать не пора?

– Ладно, спокойной ночи. Давай пять! – Он с удовольствием хлопнул по моей ладони. – Мы с братом на твоей стороне, Джейк. Можешь рассчитывать на нас. Мы тебя не выдадим. А на поляне я всё замаскировал; никто про тебя не догадается.

– Теперь я совершенно спокоен. И вижу, что судьба Земли в надёжных руках.

Он хмыкнул и, уже не таясь, побежал к дому, проламываясь прямо сквозь кусты. Весёлый парнишка!

* * *

«Хорошо, что ты откликнулся, Серый! Хоть посоветуешь чего, а то работать в одиночку сложнее, чем я предполагал. Запутанная история... Но по порядку.

Короче, потащил я пса в лес за ошейник. Бард сначала упирался, но потом смирился, хотя и вид имел понурый. Плёлся сзади и поскуливал. Это он сначала поскуливал. Чем ближе мы подходили к месту предполагаемого падения метеорита, Бард мой, который до сего дня ничегошеньки не боялся, на медведя с дядькой Василием ходил, стал подвывать, да тоскливо так! А потом и вовсе в полный голос заорал. Прикинь? Здоровенная псина с клыками как у

тигра и лапищами в мой кулак, воеет от ужаса! Потом всё ж сорвался с поводка и улепетнул так, как только в мультиках Диснеевских мыши всякие удирают. То есть вот он есть, а в следующую секунду лишь дымок лёгкий на том месте. А я думал, невозможно это в жизни! И знаешь, из-за чего?? Мы с ним наткнулись на след! Обычный след босой ноги. Человеческий. Но размера примерно сорок седьмого на вскидку. Прикинь – лапища! И вдобавок глубокий! Я ботинок снял и свой отпечаток рядом поставил – даже в половину так не пропечатался, а ведь я не лёгонький! И ростом не пигмей. Фотоаппарат жаль не взял, это чудо природы запечатлеть. Думаю, чем же этот след благоухал, что пёс мой в панике в бега подался?! Вроде, ничем особенным. Не поленился нагнуться и самому понюхать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.